

СТАТЬИ И ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Г. СМОЛИЦКИЙ

Вступление в „Слове о полку Игореве“

После длительного периода в истории изучения «Слова о Полку Игореве», когда исследователи больше всего интересовались частными вопросами: уточнением отдельных темных мест, имен и других деталей, в последнее десятилетие, наряду с продолжением этой работы, появился ряд исследований общего характера, посвященных идейному содержанию «Слова», мировоззрению его автора, жанровой природе произведения. Большой интерес, в частности, представляют работы, посвященные жанру «Слова о полку Игореве».

Несмотря на то, что вопрос этот еще до сих пор остается открытым, теперь уже, после работ И. П. Еремина, Д. С. Лихачева, А. В. Соловьева, совершенно очевиден публицистический характер произведения. Все чаще и чаще раздаются голоса, что «Слово» — «это горячая речь патриота-народолюбца, речь страстная и взволнованная, поэтически непоследовательная, то обращающаяся к событиям живой современности, то вспоминая дела седой старины, то гневная, то печальная и скорбная, но всегда полная веры в родину, полная гордостью ею, уверенностью в ее будущем».¹

И. П. Еремин первый попытался обосновать взгляд на «Слово о полку Игореве» как на произведение ораторского, риторического жанра. Д. С. Лихачев высказался более осторожно: «Если это речь, то она близка к песне; если это песнь, то она близка к речи».² Окончательного решения этого вопроса еще нет, но уже теперь, на наш взгляд, не подлежит сомнению отличие «Слова» от героических поэм и повестей. Поэтому, рассматривая план и композицию памятника, мы не найдем здесь той последовательности в изложении исторических событий, которая характерна для произведений эпических: воинских повестей, летописи, былины, — и не должны ее искать.

Непонимание этого часто заводило исследователей в тупик, заставляло говорить об испорченности текста, делать всякие фантастические перестановки (подобно Д. Прозоровскому)³ и т. д. Эти исследователи не замечали, что план и композиция нашего памятника в том виде, в каком он дошел до нас, целостны, стройны и последовательны. Все части произве-

¹ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» (историко-литературный очерк). В кн. Слово о полку Игореве, под ред. чл.-корр. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц, сер. «Литературные памятники». (В дальнейшем это издание цитируется сокращенно: Сл. о п. И., ЛП).

² Сл. о п. И., ЛП, стр. 252.

³ Д. Прозоровский. Новый опыт объяснительного изложения «Слова о полку Игореве». СПб., 1881.

дения находятся в тесной логической связи, крепко спаяны общим идейным содержанием. Но стройность, последовательность и логика произведения лирического и публицистического — свои, не подчиняющиеся законам произведений эпических.

С этой точки зрения интересно заново пересмотреть вопрос об идейном значении вступления в «Слове» для самого содержания памятника

Этот вопрос имеет свою историю.

В первом издании «Слова о полку Игореве» начало вступления было переведено следующим образом: «Приятно нам, братцы, начать древним слогом прискорбную повесть о походе Игоря, сына Святослава! начать же сию повесть по бытиям того времени, а не по вымыслам Бояновым».¹ Первые издатели не увидели никакой связи между «старыми словесами» и «замышлением Бояна», как частным случаем тех же «старых словес». По их мнению, автор слагает повесть древним слогом, но согласно с действительными событиями, а «не по вымыслам Бояновым». Так вместе с первым изданием «Слова» возникла легенда о каких-то вымыслах, о какой-то необычайной фантазии этого певца. Но в первые годы второго рождения «Слова» эта легенда имела свое обоснование в неправильном переводе фразы: «Помняшьть бо речь пьрвыхь времень усобиць».² Эти слова не отнесли тогда к Бояну и перевели так: «Памятно нам по древним преданиям, что поведая о каком-либо сражении, применяли оное к десяти соколам, на стадо лебедей пущенных: чей сокол скорее долетал, тому прежде и повесть начиналася».³ При таком переводе, кроме того, что он неправилен сам по себе, для первых исследователей пропадали и те скудные известия о Бояне, какими располагаем теперь мы; зная тематику песен этого певца, мы имеем возможность установить некоторые хронологические пределы, в которых протекала жизнь Бояна. Неправильно переведа эти строки, первые исследователи отнесли совершенно произвольно время жизни Бояна к дохристианскому периоду и противопоставление автора Бояну понимали как противопоставление христианина язычнику. Именно так рассматривал вступление А. С. Шишков в 1805 году. По его мнению, автор-христианин считал для себя непристойным употреблять «те вымыслы, какие употреблял Боян, живучи во времена идолопоклонства».⁴

В 1819 году было издано «Слово о полку Игореве» с примечаниями и переводом Я. О. Пожарского, выступившего с критикой многих положений Шишкова.⁵ Касаясь вступления, Я. О. Пожарский останавливается на уточнении смысла отдельных выражений: «трудные повести», «старыми словесы» и т. д. Его перевод ближе к подлиннику, хотя и этот исследователь видит в словах о десяти соколах и лебедях описание какого-то древнего обычая, не соглашаясь только с тем, что соколов пускали князья, как это считали первые издатели и Шишков. По мнению Пожарского, соколов пускали «стихотворцы». Пожарский не останавливается на вопросе, почему автор «Слова» противопоставляет себя Бояну, очевидно считая ненужным пересматривать точку зрения Шишкова.

Первым исправил ошибку в переводе фразы «Помняшьть бо речь...» Н. Грамматин, выпустивший в начале 20-х годов XIX века «Слово о полку Игореве» со своими примечаниями и переводом. Вместо какого-то древ-

¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 1 (перепечатка первого издания)

² До стр. 12 текст «Слова о полку Игореве» цитируется по первому изданию

³ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 3 (перепечатка первого издания)

⁴ А. С. Шишков. Собрание сочинений и переводов, ч. VII, СПб., 1826, стр. 40

⁵ Я. Пожарский. Слово о полку Игоря Святославича удельного князя Новгород Северского. СПб., 1819.

него обычая Грамматин видит в этой фразе «поэтическое сравнение десяти перстов Бояна с десятью соколами, а струн со стадом лебедей».¹ Грамматин не давал своего объяснения вступлению, хотя после его перевода шишковская точка зрения не могла уже существовать. Если рассказ о десяти соколах и лебедях — не описание обычая, а художественный образ, относящийся к Бояну, то подвиги Ярослава, Мстислава и Романа были тематикой бояновых песнопений. Теперь уже нельзя было относить жизнь Бояна к дохристианским временам, нельзя было говорить и о выдумках Бояна, так как тематикой его произведений были исторические факты. На это последнее обстоятельство первым обратил внимание Д. Дубенский² после того, как М. Максимович впервые в 1835, а потом в 1854 году повторил мысль Грамматина.³ Дубенский был противником новой точки зрения, он отстаивал старое прочтение места о соколах и лебедях и видел доказательство правильности своей точки зрения в том, что новая, указывая на историческое содержание песен Бояна, опровергала взгляд на его песни как на вымыслы. Дубенский правильно заметил противоречие, и, хотя в конце концов победила точка зрения Грамматина и Максимовича, вопрос, им поставленный, еще ждет своего разрешения: если известно, что Боян пел о Ярославе и других исторических личностях, то какие есть основания говорить о бояновых выдумках, «которым певец не хотел следовать»?⁴

Новое прочтение фразы «Помняшь бо речь...» разделял и А. С. Пушкин, видевший здесь «блестящую аллегорию». «Дело здесь идет о Бояне, — писал поэт; — все это — продолжение прежней мысли: «Поминая предания о прежних бранях (усобица значит ополчение, брань, а не междуусобие...), напускал он и проч.»⁵ Пушкин первый обратил внимание на «противуречие» во вступлении, встречавшееся во всех известных ему переводах: «... по мнению переводчиков, поэт говорит: «Не воспеть ли нам об Игоре по-старому? Начнем же петь по былинам сего времени (то есть по-новому), а не по замыслению Боянову (т. е. не по-старому). Явное противуречие».⁶ Сам Пушкин пытается решить это противуречие, лишив частицу «ли» вопросительного (и вообще всякого) смысла, переводя первую фразу следующим образом: «Не прилично, братья, начать старым слогом печальную песнь об Игоре Святославиче; начаться же песни по былинам сего времени, а не по вымыслам Бояна».

«Стихотворцы, — продолжает далее Пушкин, — никогда не любили упрска в подражании, и неизвестный творец „Слова о полку Игореве“ не преминул объявить в начале своей поэмы, что он будет петь по-своему, по-новому, а не тащиться по следам старого Бояна».⁷ Справедливо указав на противоречие, Пушкин тоже не смог решить его.

Во-первых, нельзя не считаться с частицей «ли», которая вместе с частицей «це» в данном контексте образует широко распространенную в русском языке конструкцию, имеющую строго определенный смысл, о чем речь пойдет ниже.

¹ Н. Ф. Грамматин, Слово о полку Игоревом, историческая поэма, писанная в начале XIII в. М., 1823, стр. 93.

² Д. Дубенский, Отметки на некоторые места «Слова о полку Игореве», «Отечественные записки», т. 101, 1855, Критика, стр. 3.

³ М. Максимович, Собрание сочинений, т. III, 1880, статьи о «Слове о полку Игореве».

⁴ Д. Дубенский, ук. соч., стр. 3.

⁵ А. С. Пушкин, Полное собрание сочинений, в 10 томах, Изд. АН СССР, М.—Л., 1949, т. VII, стр. 506.

⁶ Там же, стр. 505.

⁷ Там же.

Во-вторых, пушкинская догадка не устраняет противоречия: автор отказывается «тащиться по следам старого Бояна», мотивируя это... силой поэтического дарования Бояна, высокая оценка которого следует сразу после «отказа». О своем, новом слоге, о характерных особенностях его автор не говорит ни слова. Так и остается неясным, в чем же автор «Слова о полку Игореве» видит разницу между собой и Бояном.

Заслуга Пушкина в данном случае заключается в самом факте постановки вопроса. Им верно вскрыта неудовлетворительность всех известных ему переводов и толкований вступления «Слова». Кроме этого, Пушкин первый отметил тесную смысловую связь между выражениями: «старыми словесы» и «по замышлению Бояню». В первой фразе: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстій...» его предшественники видели вопрос только о языке, слоге произведения. Шишков переводил это место следующим образом: «Возвестим ... о походе Игоря тем слогом, каким в древние времена многотрудные повествовались подвиги».¹ Я. О. Пожарский к выражению «старыми словесы» делает примечание, что эти слова «дают знать, что в древние времена всегда старый слог предпочитался новому».²

Грамматин в комментариях к «старыми словесы» пишет еще более определенно: «т. е. старым или древним языком; какой же это был старый язык? Словенский или церковный, каковым в самом деле Слово о полку Игореве большею частью писано».³

Следующую фразу: «Начати же ся тѣй пѣсни... не по замышлению Бояню» они считали совершенно новой мыслью: певец решил создать песнь старым слогом, языком; певец отказывается следовать «замышлению Бояню». Для Пушкина уже в первой фразе о «старых словесах» разговор идет о более широком, чем язык, — о стиле произведения вообще, выражение «по замышлению Бояню» означает стиль Бояна. И в том и другом выражениях поэт видит один и тот же смысл: «петь по-старому». Впоследствии эту же точку зрения высказывал и Потебня, рассматривавший «замышление Бояню» как частный случай «старых словес».⁴

Итак, Пушкиным и Дубенским было замечено «противоречие» во вступлении. Целый ряд последующих ученых пытался решить его каждый по-своему.

В 1866 году проф. Н. С. Тихонравов издал для учащихся «Слово о полку Игореве» со своими комментариями. К выражению «старыми словесы» он сделал следующее примечание: «Автор Слова недоумевает, прилично ли ему начать печальный рассказ о современном ему походе Игоря словами старинной песни, славившей первых, старых русских князей. В старых словесах можно видеть те песни о богатырях и князьях, сложенные Бояном или другими певцами, которые в народной поэзии называются старинами».⁵

По мнению Тихонравова, автор сомневается, можно ли о печальных событиях говорить теми же словами, какими в старину пели славу, славили, можно ли печальный рассказ о современном автору походе начать словами старинных песен, славивших богатырей и князей. Таким образом, у Тихонравова получалось, что во вступлении особенности стиля рассматриваются автором в тесной связи с содержанием произведения,

¹ А. С. Шишков, Собрание сочинений и переводов, ч. VII, стр. 125.

² Я. Пожарский, ук. соч., стр. 30.

³ Н. Ф. Грамматин, ук. соч., стр. 89.

⁴ А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. 2-е изд., Харьков, 1914, стр. 8.

⁵ Н. С. Тихонравов. Слово о полку Игореве. 2-е изд., М., 1868, стр. 25. (Курсив автора).

его материалом. Эта новая мысль не была Тихонравовым достаточно развита и осталась не замеченной ни рецензентами, ни последующими исследователями. Так, в издании Я. Малашева в 1871 году «„Слово о полку Игоре“». Поэтический памятник русской письменности XII века» снова повторяется старая мысль о «вымыслах Бояна», о том, что автор отказывается начинать песню по плану бояновскому, потому что Боян «прибавлял к своим песням много вымышленного, небывалого, а наш певец собирается рассказывать... по действительным событиям своего времени».¹

В 1875 году П. П. Вяземский опубликовал отдельным изданием в расширенном виде свой труд «Замечания на „Слово о полку Игоре“», частично опубликованный ранее Временником Московского общества истории и древности. По мнению этого исследователя, автор «Слова» хорошо знал («изучал») и Гомера и греческую литературу. Вяземский утверждал, что под Бояном автор «Слова» подразумевал Гомера, а во фразе «начати же ся тѣй песни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню» он видел борьбу «между классическими воспоминаниями и требованием века, озаренного христианским учением»,² т. е. по существу возвращался к старой, шишковской точке зрения.

Среди различных домыслов Вяземский справедливо указал на то, что во вступлении говорится не только о стиле произведения, но и о его содержании. Заключительной частью вступления он считает слова: «Почнемъ же, братіе, повѣсть сію отъ старого Владимира... за землю Руськую». Эту заключительную часть он комментирует следующим образом: «Заключение, что песнь о Игоре должна начаться согласно с духом времени, протекшего от Старого Владимира. Из содержания песни видно, что певец здесь обещает говорить о междоусобиях, губивших Россию от смерти Владимира Мономаха до Игоря Святославича».³ Но мысль эта не была последовательно проведена через анализ всего вступления. Она промелькнула и затерялась среди огромной аргументации в пользу основной идеи Вяземского о греческом влиянии на автора «Слова».

В 1877 году вышла книга Вс. Ф. Миллера «Взгляд на „Слово о полку Игоре“». Ее автор рассматривал «Слово» как подражание литературным образцам — воинским повестям византийско-болгарского происхождения. Уже во вступлении он видел подтверждение своей гипотезы: «В языке и складе произведения (форме) автор считает приличным следовать воинским повестям, но содержание его повести должно быть исторически верно, должно соотноситься с событиями (былинами) и не уподобляться замыслам поэта Бояна».⁴

С Миллером полемизировал А. А. Потебня,⁵ который в том же году выступил с собственными комментариями к «Слову о полку Игоре». В противовес Миллеру, видевшему в «Слове» только византийско-болгарское влияние, Потебня подчеркивал связь «Слова», произведения, по его словам, «личного и письменного»,⁶ с устным народным творчеством. Потебня не соглашался с Миллером и в вопросе о вступлении, считая, что оно посвящено выбору между поэтической и прозаической формой.

В 80-х годах прошлого столетия (1887—1889 годы) вышел в свет капитальный труд Е. В. Барсова «Слово о полку Игоре» как художествен-

¹ Я. Малашев. Слово о полку Игоре. Поэтический памятник русской письменности XII в. М., 1871, стр. 100.

² П. П. Вяземский. Замечания на «Слово о полку Игоре». СПб., 1875, стр. 9.

³ Там же, стр. 76.

⁴ Вс. Ф. Миллер. Взгляд на «Слово о полку Игоре». М., 1877, стр. 180.

⁵ А. А. Потебня, ук. соч.

⁶ Там же, стр. 1.

ный памятник Киевской дружинной Руси». Несмотря на то, что труд этот остался незаконченным, значение его велико: он как бы подводил итоги тому, что было сделано более чем за 80 лет изучения памятника. Соответственно с этим взгляд Барсова на вступление был по существу именно той точкой зрения, к которой пришли исследователи в результате почти столетнего труда. Эта точка зрения сводилась к следующему.¹

Во вступлении ставился вопрос стиля, «склада» произведения. Автор замыслил создать песнь, песенная форма делает его произведение однородным со «старыми словесами» и произведениями Бояна. Но автор чувствует себя бессильным создать такое же произведение, как и Боян, уступая ему, во-первых, «в области творческого материала», так как песнотворчество Бояна «захватывало слишком широкое поле событий и времен»; во-вторых, «в широте творческих приемов», так как «существенными чертами боянского песнотворчества были именно широкие полеты фантазии, быстрые переходы от одного момента действия к другому»; в-третьих, «в качестве творческих созданий», так как «песнотворчество (Бояна, — В. С.) было не обычное, не человеческое, вдохновенное», в его произведениях была «идеальная стройность» композиции. Автор «находит себя вынужденным следовать требованиям повествования своей литературной эпохи и начать свою песнь с положительной действительности, прямо с исторических фактов, по былям сего времени, подчиняясь новым требованиям исторического повествования». Именно в этом смысле «автор, в самом начале наименовав „Слово“ свое песнию, затем, переходя к самому повествованию, называет его уже повестью».

Барсов разобрал вступление более подробно и обстоятельно, чем это делали до него. Его точка зрения в общих своих чертах остается господствующей и до сегодняшнего дня.

Исключение представляет, может быть, один Келтуяла, который в 1928 году издал текст и перевод «Слова» с собственной объяснительной статьей и комментариями. О вступлении он писал следующее: «Во вступлении к своему произведению автор сам отчетливо заявляет: ... свое Слово он скажет не „по замыслению“ Бояна, который в обрисовке автора выступает как великий певец — изобразитель подвигов князей, а „по былинам“ своего времени, т. е. на современном автору материале и на основании задач текущего момента».² Таким образом, по мнению Келтуялы, противопоставление автором себя Бояну основано на сравнении самого «материала» повествования, двух исторических (а не литературных) эпох, основано на различии стоявших перед певцами задач. У Бояна — рассказ о подвигах, у автора «Слова» — о неудачном походе. Сам «материал» заставил автора отказаться от попытки следовать «замыслению Бояню». Такая точка зрения перекликается с точкой зрения Н. С. Тихонравова, о которой мы уже говорили, и так же, как и та, осталась без внимания последующих ученых и переводчиков.

Сегодняшние исследователи, как и 70 лет назад, при Барсове, считают, что во вступлении автор размышляет только о стиле, его интересует форма сама по себе, форма как таковая.

«„Слову о полку Игореве“ автор предпослал небольшое вступление, и, прямо не связанное с дальнейшим изложением, оно занимает в составе „Слова“ вполне самостоятельное место и легко выделяется даже при беглом просмотре текста.

¹ Е. В. Барсов. «Слово о полку Игореве» как художественный памятник Киевской дружинной Руси. М., т. II, 1887, стр. 3—5.

² В. А. Келтуяла. Слово о полку Игореве. М., 1928, стр. 71.

«Посвятил его автор не Игорю, не его походу на половцев, а своему собственному произведению — его содержанию, его художественной форме. Как повести речь, какого принципа изложения придерживаться — вот вопрос, который здесь занимает автора».¹ Это пишет И. П. Еремин, и это сегодня общая точка зрения,

«Автор обращается к читателям с вопросом, как ему излагать повествование о тяжелом по последствиям походе Игоря, в старинной ли манере певца-гуслияра Бояна, воспевшего события XI и начала XII в. . . или начать эту песнь как реалистическое изложение действительных фактов»,² — писал С. А. Бугославский в 1938 году.

«. . . основные части „Слова о полку Игореве“ предваряются размышлением автора о стиле для „трудных повестий о полку Игореве“, причем он склоняется „начати“ свою „пѣснь“ „по былинамъ сего времени, а не по замыслению Бояню“ (былины — действительность, замысление — фантазия)»,³ — писал А. С. Орлов в 1946 году.

«Автор „Слова“ отказывается начать свое повествование в старых выражениях и хочет вести его ближе к действительным событиям своего времени»,⁴ — пишет Д. С. Лихачев в 1950 году, повторяя эту точку зрения в 1953⁵ и в 1954 году.⁶

Может быть, некоторые исследователи возразят, что они не считают, подобно Еремину, вступление самостоятельным местом, не связанным ни с дальнейшим изложением, ни с основной идеей произведения. Но, рассматривая вступление как размышление только о стиле, они тем самым становятся на точку зрения Еремина, так как в дальнейшем тексте «Слова» автора волнуют вопросы отнюдь не литературной борьбы.

Итак, по установившемуся мнению, автор «Слова» стоит перед выбором, следовать ли ему манере Бояна или былинам сего времени, и выбирает второе. Это решение автора объясняется тем, что Боян был в плену своей бурной фантазии и «совершенно оторван от жизни» (И. У. Будовниц),⁷ «с историческими событиями обращался вольно, свободно, подчиняя их своей фантазии, приближая их к типу сказок» (И. Новиков),⁸ наконец, «был романтик, растекавшийся „мыслью по древу“ и т. д. (Н. И. Сутт)».⁹ Эта же мысль проводится в последнем научном издании «Слова о полку Игореве», в объяснительном переводе Д. С. Лихачева: «Боян, вещей, если кому хотел песнь сложить, то (вместо того, чтобы следовать «былинам сего времени», так и) растекался мыслию по древу» и т. д.¹⁰

Первые издатели «Слова» писали о Бояне: «из некоторых в пример здесь приведенных слов его (Бояна, — В. С.) явствует, что Боян воспевал всегда важные происшествия и изъяснял мысли свои возвышенно».¹¹

¹ И. П. Еремин. «Слово о полку Игореве» как памятник политического красноречия. В кн.: «Слово о полку Игореве». Сборник исследований и статей. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 100.

² С. А. Бугославский. Слово о полку Игореве М., 1938, стр. 11.

³ А. С. Орлов. Слово о полку Игореве. М.—Л., 1946, стр. 29.

⁴ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

⁵ Слово о полку Игореве. (Библиотека поэта, малая серия). Л., 1953.

⁶ Слово о полку Игореве. Детгиз, М.—Л., 1954.

⁷ И. У. Будовниц. Идеальное содержание «Слова о полку Игореве». Изв. АН СССР, сер. истории и философии, 1950, т. VII, № 2, стр. 154.

⁸ Слово о полку Игореве. Перевод, предисловие и пояснение Ивана Новикова. М., 1938, стр. 72.

⁹ Н. И. Сутт. Слово о полку Игореве. «Новый мир», 1938, № 5, стр. 254.

¹⁰ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

¹¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 2 (перепечатка первого издания).

Нельзя не согласиться с Д. С. Лихачевым, признающим, что «слова эти справедливы до сих пор. Многочисленные догадки о том, кто был этот певец — поэт Боян, пока что произвольны».¹ Произвольны и не обоснованы, на наш взгляд, и догадки об оторванности Бояна от действительности. Сам текст «Слова о полку Игореве» не дает нам никаких оснований думать, что его автор считал Бояна певцом, искажающим исторические факты. В произведении нет ни одного места, где бы прямо или косвенно говорилось о вымысле, домысле, обмане или «романтизме» Бояна. Еще более произвольным кажется нам мнение И. У. Будовнича, что Боян увлекался «показной стороной дела, звоном мечей и топотом коней, батальными картинами и описанием удалства русских сынов, независимо от того, к чему это удалство привело».² Все высказывания поэта о Бояне говорят как раз о том, что отношение автора к певцу было противоположным тому, которое ему приписывают. Автор «Слова» постоянно называет Бояна вещим, т. е. «сведущим, мудрым, знающим то, что другим не дано знать».³ Приведенная в «Слове» боянова характеристика князю Всеславу: «Ни хытру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути», кажется автору правильной, точной оценкой деятельности этого князя, он даже нашел возможным сослаться на нее. Как сообщает автор «Слова», темами песен Бояна были дела и исторических личностей: князей Ярослава, Мстислава, Романа и др.

Говоря о фантазии Бояна, о его отрыве от жизни, чаще всего ссылаются на следующее место произведения: «Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслію по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по землі, шизымъ орломъ подь облакы». Из этого замечательного поэтического образа можно заключить только то, что Боян был певцом искусным и вдохновенным, но этот образ не дает никаких оснований для утверждения об оторванности Бояна от действительности или об искажении им действительности. Таким образом, видеть в замыслениях Бояна вымыслы абсолютно беспочвенно.

Многие исследователи считают, что во вступлении автора волнует вопрос жанра. «Буйной фантазии Бояна» он хочет противопоставить свой рассказ «по былинам сего времени», т. е. «в соответствии с историческими повестями (разрядка моя, — В. С.) своего времени».⁴ Эта точка зрения, встречающаяся и сегодня, отразившаяся даже в школьных и вузовских учебниках, ведет свое начало тоже от трудов Вс. Миллера и Е. В. Барсова. Но последовательного рассказа, как в повестях или в летописи, в «Слове о полку Игореве» мы как раз и не находим. Получается явное противоречие, давно уже замеченное: «... на словах отказавшись следовать за Бояном, — пишет Н. К. Гудзий, — автор то и дело идет по его стопам и вместо традиционной воинской повести создает одновременно страстную лирическую песню и волнующее публицистическое произведение, сам становясь судьей не только настоящего, но и прошлого русской истории, неоднократно отвлекаясь от описаний, чтобы перейти к рассуждениям и размышлениям».⁵ При таком толковании вступление теряет всякий смысл, так как автор следует как раз обратному тому пути, который он только что избрал. Теперь оно уже не имеет ни смыслового, ни композиционного значения.

¹ Слово о полку Игореве (Библиотека поэта, малая серия), Л., 1949, стр. 166.

² И. У. Будовнич, ук. соч., стр. 155.

³ И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. 1. СПб., 1893, стр. 502.

⁴ Н. К. Гудзий. История древней русской литературы. М., 1953, стр. 125.

⁵ Там же, стр. 125.

На наш взгляд, такая традиционная трактовка вступления неверна. Вступление «Слова о полку Игореве» — это не нечто самостоятельное, оторванное от дальнейшего повествования, а, напротив, органическая часть плана и композиции, тесно связанная с основной идеей произведения: «призывом русских князей к единению» (К. Маркс). Оно заключает в себе не просто форму для произведения, а нечто большее.

«Не льпо ли ны бяшетъ, братие, начяти старыми словесы трудныхъ повѣстий о пълку Игоревѣ, Игоря Святъславлича? начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню».¹

В большинстве комментариев к этим строкам говорится, что автор колеблется, размышляет, как ему лучше начать свое произведение, выбирает путь, иными словами, ему еще самому не ясно, как лучше повести речь. Но в подлиннике нет никаких колебаний, автор ничего не спрашивает, ни в чем не сомневается. Перед нами типичный риторический вопрос, в котором сочетание «не... ли» всегда выражает усиление утверждения, бесспорность, несомненность высказываемой мысли. Этот оборот имеет широкое распространение как в древней, так и в новой литературе. Например, у Серапиона Владимирского: «Какія казни от бога не въсприяхомъ? Не плѣнена ли бысть земля наша? Не взяти ти быша гради наши...».² Или в «Повести временных лет»: «Брате! Не тужи. Видиши ли, колико ся мнѣ сключи: первое, не выгнаша ли мене и имѣнье мое разграбиша?.. Не изгнанъ ли бѣхъ от ваю... Не блудилъ ли бѣхъ по чюжим! землямъ».³ Ср. у М. Ю. Лермонтова: «В наш век изнеженный не так ли ты, поэт, свое утратил назначенье».

Таким образом, если автор спрашивает: «Не льпо ли... начяти старыми словесы», то он знает, уверен, что «начяти старыми словесы» было бы «наилепейшим».

Следующая часть разбираемого куска как будто приходит в противоречие с первой частью при такой трактовке: «Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню». Исследователи видят здесь отказ автора начать свое повествование по-старому, желание его вести рассказ «по былинам сего времени». Выбирая, автор, по их мнению, склоняется начать по-новому. Исследователи видят у автора свободу выбора, в то время как сам автор самой конструкцией фразы эту свободу у себя отрицает. Необходимо обратить внимание на безлично-страдательный оборот в этой фразе. Не автор начнет, а самой песне начаться по былинам сего времени. Используемая в этом выражении неопределенная форма глагола («начати ся») в русском языке часто употребляется для того, чтобы подчеркнуть неизбежность, неминуемость, неотвратимость того, что должно случиться независимо от чьей-либо воли. Этот оборот мы часто встречаем в русских пословицах и поговорках: «Чему быть, того не миновать», «Повадился кувшин по воду ходить, там ему и голову сложить», «Так тому и быть», «Быть бычку на веревочке» и т. д. Этот же самый оборот и в этом же самом значении неизбежности мы встречаем и в «Слове о полку Игореве» в приведенной автором припевке Бояня: «Ни хитру, ни горазду, ни птицю горазду суда божиа не минути».

По справедливому замечанию Е. В. Барсова, частица «же» («начати же ся») в данном контексте значит «но нет»⁴ и тем самым еще больше

¹ В дальнейшем текст «Слова» цитируется по: Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 1—31.

² Е. Петухов. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888, Приложение: Поучения Серапиона Владимирского, стр. 5.

³ Повесть временных лет. Т. I. Изд. АН СССР, М.—Л., 1950, стр. 132.

⁴ Е. В. Барсов, ук. соч., т. III, М., 1889, стр. 254.

усиливает невозможность выбора: должно, необходимо начать произведение «по былинам сего времени», а не «по замышлению Бояню»; иначе нельзя, хотя автору, наоборот, нравятся как раз больше «старые слова», он бы хотел начать именно «по замышлению Бояню».

В чем же автор видит разницу между своим произведением и песнями Бояня? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо уточнить значение в данном контексте слова «начати».

Автор мог употребить это слово для того, чтобы просто сообщить, что приступает к повествованию. Так начинаются, например, «Поучение правые веры душеполезно» («Почну же глаголати не завито, ни покровно, да всяк начнет разумети») ¹ и «Путешествие в Царьград» архиепископа Антония («С богом починаем сказание мест святых во Царьградѣ»).² В первом примере говорится о стиле произведения, во втором — о теме. Но в обоих случаях слова «почну», «починаем» имеют только служебный характер, утрачивая до некоторой степени свое самостоятельное, первоначальное смысловое значение.

Но возможен и другой вариант. Одним из излюбленных стилистических приемов древней литературы является вступление в виде размышления, как или с чего начать повествование, т. е. автор говорит о том, каким должно быть вступление, именно начало произведения. Примеры таких вступлений уже приводились И. П. Ереминым. Таково, например, вступление седьмого слова Кирилла Туровского: «Приди ныня духомъ священный пророче Захарие! начаток слова дая нам от своих прорицаний о вознесении на небеса господа бога и спаса нашего Иуса Христа».³ В приведенном примере Кирилл по существу сообщает, как и как нечтется его слово (ср. у Либания-софиста: «Не своевременно ли будет, государь, начать нам речь в похвалу твоего славного пришествия словами лесбосца Алкея: „Ты являлся от пределов земли“?»⁴).

Автор «Слова о полку Игореве» использует этот же последний прием. Не стиль вообще, а именно характер начала интересует его в данном случае. Подтверждением этому служит сама конструкция фразы «начати старыми словесы трудныхъ повѣстий», которую, мы считаем, следует переводить «начать старыми словами трудных повестей»: начать (как?) старыми словесы (какими?) трудных повестей; (повестей — родительный определительный падеж, относится к «словесы»). При таком прочтении слово «начати», не имея при себе дополнения, полностью удерживает свое собственное смысловое значение начала действия.

Представленное прочтение было известно уже давно.⁵ Но в большинстве переводов и, в частности, в последних разбираемое место переводится иначе: «начать старыми словами трудные повести», где слово «повѣстий» является дополнением к «начати». Эта точка зрения кажется нам неправильной. Автор все время говорит о своем произведении в единственном числе («Слово о полку...», «начати же ся тѣй пѣсни», «почнемъ... повѣсть сию»), а в рассматриваемом случае — множественное. Сторонники этой точки зрения пытаются провести аналогию между «Словом» и «Повестями временных лет», где в заглавии тоже стоит множе-

¹ Памятники древнерусской церковно-учительной литературы, вып. 3. СПб., 1897, стр. 23.

² Путешествие новгородского архиепископа Антония в Царьград в концѣ XII столѣтия. СПб., 1872, стлб. 65.

³ К. К а л а й д о в и ч. Памятники русской словесности XII века. М., 1821, стр. 65.

⁴ И. П. Е р е м и н. Слово о полку Игореве. Ученые записки ЛГУ, сер. филолог. наук, вып. 9, Л., 1944, стр. 9.

⁵ См., например: В. Ф. М и л л е р. ук. соч., стр. 180; Слово о полку Игореве. Под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, «Academia», М.—Л., 1934, стр. 143.

ственное число («Се повѣсти времяньныхъ лѣт...»), а в тексте — единственное («Се начнемъ повѣсть сию»). Но «Повесть временныхъ лет» — произведение многоплановое, включающее много повестей и рассказов. Поэтому, говоря обо всем произведении, можно было употребить множественное число, а в каждом конкретном случае в самом тексте употребить единственное. В «Слове о полку Игореве» нет летописной многоплановости, все произведение посвящено одному событию — походу Игоря на половцев со всеми его последствиями, поэтому здесь естественно говорить только в единственном числе.

Таким образом, «повѣстей» в «Слове» является определением к «словесы»: начать старыми словами трудных повестей.

Сторонники такого прочтения В. Ф. Ржиги и С. К. Шамбинаго в комментариях к разбираемой фразе замечают: «...очевидно, что либо „начати“ скрывает в себе понятие „петь“, либо здесь пропущено слово „пѣснь“».¹ Не видим здесь ни пропуска, ни иного значения слова «начать», кроме того, которое оно заключает в себе обычно. Именно как *начать*, каково будет вступление, *начало*, подобное ли вступлениям старых «трудных повестей», вступлениям песен Бояна или отличное от них, — вот о чем говорит здесь автор.

Действительно, непосредственным началом самого повествования о походе Игоря является рассказ о сборах в поход, включающий рассказ о дурных предзнаменованиях и начинающийся с солнечного затмения. Весь этот кусок проникнут тревогою за судьбу героев. Мужественная и решительная речь Игоря только усиливает эту тревогу, так как читатель и слушатель уже успевают проникнуться уважением к отважному князю. Большое композиционное значение имеют здесь слова Игоря: «Луце жъ бы потяту быти, неже полонену быти».

Эти слова как бы готовят будущую трагедию: в дальнейшем с Игорем случилось именно то, что было для него хуже смерти.

Тревожное начало как нельзя лучше соответствует печальному рассказу о походе Игоря и его поражении.

Трагически-тревожное, мрачное начало рассказа о походе Игоря автор противопоставляет возвышенно-торжественным, восторженным, мажорным запевкам Бояна, которыми тот начинал свои песни:

Не буря соколы занесе чрезъ поля широкая, —
галици стады бѣжать къ Дону великому;

или

Комони ржуть за Сулою, — звенить слава въ Киевѣ.

Эти радостно-торжественные бояновы запевки, противопоставленные мрачному и тревожному началу о походе Игоря, т. е. началу собственно авторского повествования, создают огромной силы трагический контраст, который как раз и имел в виду автор, противопоставляя себя Бояну в самых первых строках своего произведения.

Он, автор «Слова», тоже хотел бы начать свою повесть «старыми словесы», радостно и торжественно, как Боян, но сама жизнь, действительность, «былины сего времени» заставляют его петь иначе.

Сказав, что его песня начнется «не по замышлению Бояню», а «по былинам сего времени», автор далее указывает на причины различия, говорит, почему «Слово о полку Игореве» не может начаться так, как начинались песни Бояна: «Боянь бо (ибо) вѣщий, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашеться мыслию по древу, сѣрымъ вълкомъ по

¹ Слово о полку Игореве. Под ред. С. Шамбинаго и В. Ржиги, стр. 143.

земли, шизымъ орломъ подь облакы». Союз «бо» указывает на причинную связь между предложением «Начати же ся тѣй пѣсни...» и только что приведенным («Боян бо вѣщій...»). «Слово о полку Игореве» начнется не так, как песни Бояна, потому что Боян «растекался мыслию по древу» и т. д., т. е. начинал свои песни зачинами восторженными, возвышенно-торжественными, примеры которых автор «Слова» приводит ниже.

Но возвышенная торжественность песен Бояна в свою очередь тоже следствие причины, указанной в следующем предложении: «Помняшеть бо, рече, пѣрвыхъ времянь усобицѣ». Здесь мы снова встречаемся с тем же союзом «бо». Автор объясняет, почему песни Бояна начинались не так, как его собственная: предшественник автора «Слова», Боян, жил в иную эпоху и воспевал в своих песнях других людей и их дела, совершенно не похожие на те, которые описываются в «Слове».

Таким образом, свое отличие от Бояна автор «Слова» видит в конечном счете в различии прежде всего самой тематики, обусловленном различием самих эпох, в которые жили Боян и автор «Слова». «Новое время — новые песни».

Противопоставление автором себя Бояну в предлагаемой трактовке приобретает большой смысл и становится тесно связанным с основной идеей произведения. Автор сравнивает два времени: прошлое и настоящее. Боян помнил «пѣрвыхъ времянь усобицѣ», т. е. «вспоминал первоначальных времен войны». ¹ Он пел о старом, славном времени, ему, по мнению автора «Слова», приходилось петь только славу князьям, восхвалять их победы и подвиги, и им, победителям, бояновы струны «сами... славу рокотаху»; Бояну не приходилось, подобно автору «Слова», рассказывать о поражении.

Последние исследователи относят жизнь и деятельность Бояна к концу XI—началу XII века. Для автора «Слова о полку Игореве» Боян — певец, имя которого ассоциируется прежде всего с именами «старого Ярослава», «храброго Мстислава», «красного Романа Святославлича», воспетых Бояном в его песнях.

«Старый Ярослав», вошедший в историю под именем Ярослава Мудрого, был одним из самых популярных на Руси князей. Он отомстил братоубийце Святополку «окаянному» за смерть Бориса и Глеба, впоследствии канонизированных. В 1036 г. им окончательно, навсегда были разбиты печенеги, которые после понесенного ими поражения уже никогда более не тревожили Русь. Автор «Русской правды», Ярослав, изображается в летописи как правитель просвещенный, справедливый и мудрый. По словам летописца, умирая, он завещал своим детям жить в любви и дружбе, не ссориться друг с другом: «Да аще будете в любви межю собою, богъ будетъ в васъ, и покоритъ вы противныя подь вы. И будете мирно живуще. Аще ли будете ненавидно живуще, в распряхъ и которающесе, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, юже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ». ²

Изображение князя Мстислава в летописи полностью соответствует той характеристике, которую дает этому князю автор «Слова». Эпитет «храбрый» является здесь наиболее точным. Для летописца, как и для автора «Слова», Мстислав в первую очередь — победитель касогов, зарезавший в единоборстве касожского князя Редедю. Можно предполагать, что именно этот подвиг был воспет и Бояном в его песне об этом князе.

¹ Сл. о п. Иг., ЛП, стр. 76.

² Повесть временных лет, т. I, стр. 108.

Летопись рассказывает и о междоусобной борьбе Мстислава с Ярославом, которая закончилась благородным миром. Победив Ярослава, Мстислав добровольно отдал ему, как старшему брату, завоеванный им киевский престол. После этого «начаста жити мирно и в братолюбьствѣ, и уста усобица и мятежь, и бысть тишина велика в земли».¹ Рассказ об этой вражде в летописи скорее является примером того, как надо мириться, забывая обиды, нанесенные друг другу.

Третий князь, упоминаемый в начале «Слова», Роман Святославич, известен нам очень мало. Летопись сообщает лишь о том, что он дал у себя в Тмутаракани убежище князю Борису Вячеславичу и вел междоусобную борьбу с Всеволодом Ярославичем, пользуясь при этом помощью половцев, которые и убили его, когда Всеволод заключил с ними мир. Вот и все. Обращает на себя внимание ритмическая концовка летописного рассказа о гибели Романа:

Суть кости его и досел⁴ лежаче тамо,
сына Святослава, внука Ярослава.²

Лишь в качестве догадки можно предположить, что эти строки имели какую-нибудь связь с песней Бояна, в которой (опять только предположение) певец рассказывал о битве с половцами, окончившейся гибелью Романа. Кроме этих предположений, ничего более определенного и достоверного сказать нельзя.

Автор «Слова» упоминает еще отзыв Бояна о Всеславе. Это дает основание думать, что у Бояна была песня и об этом князе.

Противопоставляя современной ему эпохе времена, воспетые Бояном, автор «Слова» явно идеализирует прошлое, но эта идеализация — явление вполне закономерное. Как это часто случалось в истории, автор «Слова», своим произведением подготавливая новое, оглядывается назад, ищет идеал не в будущем, а в прошедшем, ставя настоящему в пример прошлое. «Как раз тогда, — писал К. Маркс, — когда люди, повидимому, только тем и заняты, что переделывают себя и окружающее, создают совершенно небывалое, — как раз в такие эпохи революционных кризисов они заботливо вызывают к себе на помощь духов прошедшего, заимствуют у них имена, боевые лозунги, костюм, и в освященном древностью наряде, на чуждом языке разыгрывают новый акт всемирной истории».³

Человек XII века, автор «Слова» еще не мог ни призывать к созданию централизованного государства во главе с одним сильным самодержцем, ни даже знать о таком государстве. Он и не думает об уничтожении самостоятельности отдельных княжеств для создания единого, централизованного государства. Он призывает лишь к объединению усилий всех князей для борьбы с общим врагом. Он призывает русских князей прекратить междоусобицы, видя в них причину всех бед родины; он критикует недалеководную политику князей, ставящих выше всего свои личные, узко-эгоистические интересы; все это ведет, в свою очередь, к критике самой раздробленности государства, намечает идеологический фундамент того централизованного государства, которое удалось создать лишь через несколько столетий.

В борьбе с междоусобицами, в призыве объединить все силы для борьбы с врагом заключается народность и прогрессивность произведения. Отстаивая свои передовые идеи, автор все время противопоставляет

¹ Повесть временных лет, т. I, стр. 100.

² Там же, стр. 135.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VIII, 1930, стр. 323 («18-е брюмера Луи Бонапарта»).

настоящему, эпохе раздробленности и междоусобиц, прошлое, ставит в пример предков, трудами которых было создано сильное и могучее Киевское государство, не раздираемое княжескими междоусобиями и поэтому заставлявшее своих врагов бояться его силы. «О стонати Руской земли, помянувшє прѣвую годину и прѣвѣхъ князей!», — восклицает автор «Слова о полку Игореве».

Противопоставлению старого времени настоящему посвящено и вступление памятника. Для его автора Боян — певец «славы» прежних русских князей, певец старого времени, времени успехов и побед. Этим автор объясняет и стиль песен Бояна, возвышенный и торжественный: сами дела людей того старого времени были таковы, что струны им «сами славу рокатаху». Об ином времени приходится рассказывать автору «Слова». «Наниче ся години обратиша». Вместо того, чтобы воспеть победы, ему приходится рассказывать о поражении. Именно поэтому для его песен не подходят «замышления» Бояна. Он должен слагать песни иначе, этого требует сама действительность, печальные «былины сего времени».

В дальнейшем автор часто возвращается к сравнению прошлого и настоящего. Прошли славные времена «старого Владимира», его уже «нелзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Киевьскимъ». Его потомки за своими эгоистическими интересами забыли общие интересы родины. «Усобица княземъ на поганья погыбе, рекоста бо братъ брату: „Се мое, а то мое же“. И начяша князи про малое „се великое“ мльвити, а сами на себѣ крамолу ковати. А погании съ всѣхъ странъ прихождаху съ побѣдами на землю Рускую».

Думая только о своей личной славе, русские князья не желают объединиться во имя общей победы над врагами: «Сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзии — Давидовы, нѣ розно ся имъ хоботы пашутъ»; «Мужаймѣся сами: преднюю славу сами похитимъ, а заднюю си сами подѣлимъ!», — говорили Игорь и Всеволод. В результате таких разрозненных действий русские князья все время терпят поражения. Некогда сильная и могущественная Русская земля теперь не может отразить нападения кочевников. Забыв о своей прямой обязанности — защищать Русь от внешних врагов, думая только о своих личных интересах, князья растеряли то, что огромным трудом было создано их предками. Они оказались плохими наследниками дедовской славы. «Уже бо выскочисте изъ дѣдней славы», — обращается автор «Слова» ко всем современным ему князьям. Сопоставление «старого» и «нового» времени проходит, таким образом, последовательно через все произведение, от самых первых строк вступления до самых последних строк заключения. Игорь бежит из плена и возвращается на родину. Не отсутствие храбрости и мужества привели его к поражению. Свой героизм и стремление к победе он доказал на поле брани. Причины поражения глубже, они — автор это показал — кроются в общем положении дел на Руси: в княжеских междоусобицах, в забвении князьями общерусских интересов. Игорь вернулся домой, и автор надеется, что его поражение послужит уроком всем князьям. В заключении он выражает надежду на приход лучших времен, когда князья, прекратив междоусобицы и объединив свои силы, смогут отомстить половцам за все обиды. Тогда русские князья вернут славу своих предков, и песнь о них будет звучать не так печально, как настоящая, а радостно и торжественно, подобно бояновым о «старых» князьях: «Пѣвшє пѣснь старымъ княземъ, а потомъ молодымъ пѣти: „Слава Игорю Святъславличу, буй туру Всеволоду, Владимиру Игоревичу!“».

Так противопоставление двух эпох проходит красной нитью через весь памятник, от вступления до заключения. Это противопоставление

тесно связано с основной идеей произведения: «призывом русских князей к единению как раз перед нашествием монголов» (К. Маркс). Этот призыв начинается уже со вступления, в котором автор говорит не о форме и стиле самих по себе, а о содержании своего произведения.

Вступление «Слова о полку Игореве» — это увертюра, где в зародыше имеются уже все темы, которые будут развиты в основной части. Его нельзя рассматривать как самостоятельное место, оторванное от основной идеи и содержания памятника. Оно органически связано со всем дальнейшим изложением. Это необходимый элемент общей композиции «Слова», цельной и стройной, не терпящей в себе никакого инородного тела.
